

О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев, П.Р. Юсупов

Эмпирические индикаторы мотивации

Исследование причин поведения, поиск адекватных эмпирических индикаторов мотивации являются фундаментальной научно-исследовательской проблемой в психологии. Сложность в экспликации и объяснении пристрастности восприятия и реагирования связана с тем, что мотивация не вполне доступна осознанию субъекта. Трудности в исследовании мотивации начинаются уже на этапе операционализации понятий, эмпирической реконструкции мотивационной основы поведения. Полученные эмпирические результаты, как правило, зависят от начальной аксиоматики в понимании мотивации, а не наоборот.

Первые попытки решения проблемы предсказания направления поведенческой активности (в русле положения о конструировании индивидом реальности) были предприняты в начале 1930-х гг. в экспериментах К. Левина (теория поля), а также бихевиоризме и необихевиоризме (Э. Толмен, К. Халл и др.), что позволило начать разработку конкретных методологических путей исследования этой проблемы [1]. С середины 1970-х гг. в рамках когнитивного направления изучаются процессы категоризации жизненных ситуаций, в центре внимания оказывается пристрастный характер когнитивной и перцептивной переработки информации.

В отечественной психологии в контексте проблемы комплексности мотивации, а также ее селективного и антиципационного характера продуктивными оказались многие направления. Среди них можно отметить следующие: психофизиологическое направление Е.Н. Соколова, теория функциональных систем П.К. Анохина, исследование нейропсихологических детерминант в процессах мотивации А.Р. Лурии, изучение роли связи потребностей и эмоций (В.К. Виллюнас, П.В. Симонов, А.Н. Леонтьев).

В культурно-историческом подходе в психологии показана особая роль речевой, знаково-символической деятельности в развитии и регуляции психики, исследовано влияние мотивации на процессы мышления, речепорождения, понимание смысла высказываний; предложен вариант решения проблемы соотношения понятий «значение» и «смысл» (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия, Е.Д. Хомская и др.). В теории деятельности А.Н. Леонтьева (А.Г. Асмолов, Ю.Б. Гиппенрейтер, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Патяева и др.) при наличии большого количества теоретических разработок отмечается недостаток эмпирических исследований мотивации.

На начальном этапе изучения мотивации была характерна поляризация психологических концепций на

субъективистские и объективистские («внутренние» и «внешние» теории). В теории поля К. Левина происходит объединение этих факторов, субъективные и объективные детерминанты поведения определяются как ситуативные системы напряжения и совокупности валентностей. Теоретические системы К. Левина (готовность к деятельности – деятельность – активирующий стимул, квазипотребность – действие по намерению – характер требования вещи, потребность – поведение – валентность) создавались на основе принципа системности поведения и его детерминант. Знаменитая формула К. Левина объединяет в себе ранее противоречащие друг другу переменные, поведение есть функция от личности и психологического окружения (конкретной ситуации): $V = f(P, E)$.

В работах Х. Хекхаузена представлено понимание мотива как особого исследовательского конструкта. Мотив «задается таким целевым состоянием отношения «индивид–среда», которое само по себе (хотя бы в данный момент времени) желательнее или удовлетворительнее наличного состояния» [2, с. 158].

Отечественные психологические школы – культурно-историческая концепция и деятельностный подход – берут свой исследовательский источник в теоретико-практических положениях К. Левина. В последующем развитии отмечается то отход (критика), то возвращение к теории К. Левина.

Формирование индивидом представлений о внешнем мире как отдельном от себя (его конструирование в процессе адаптации) ставит проблему исследования мотивации и потребностей как основы селективности (Е.Ю. Артемьева, Д.В. Труевцев и др.). В психосемантике понятиями, характеризующими феномен пристрастности, являются, например, «когнитивная карта», или «модель мира», «образ мира», «система конструктов» (Дж. Келли, Э. Толмен, А.Н. Леонтьев, Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко и др.).

Идейную динамику в исследовании проблемы источников активности индивида можно представить как изменение ракурса внимания с одних мотивационных образований на другие. Первоначальным взглядом на проблему оказалось сосредоточение на инстинктах и влечениях (психоанализ), позже – потребностях, диспозициях и мотивах (когнитивное, когнитивно-бихевиоральное направление в психологии). Основной спор состоял в приоритете детерминант: устойчивых личностных диспозиций или конкретно-ситуативных факторов. Дальнейшее развитие психологии мотива-

ции породило множество эклектических концепций, сочетающих в себе эти компоненты.

По мнению авторов данной публикации, в исследовании мотивации важен не столько вопрос о причинах активности индивида, сколько об особенностях селективного построения «образа мира», основных свойствах и индикаторах мотивации.

Разрабатываемая концепция исследования мотивации как логически взаимосвязанная система конструкторов предполагает соответствующие принципы ее исследования. Методологической основой является трактовка мотивации через ее генеральное свойство и индикатор – селективность восприятия или избирательный характер оценивания и упорядочивания объектов мира, «прошивающий» все остальные особенности данного феномена.

В концепции разрабатывается единая система индикаторов мотивации и соответствующих методических приемов ее экспликации.

Определитель мотивации – селективность, задающая направление активности с целью удовлетворения потребностей. Селективность методически проявляется через механизм атрибуции или приписывания, например, событий или сюжета, каузальных отношений, результатов – временной перспективе и ретроспективе; качеств – объектам (категоризация мира); осуществление выбора объектов в соответствии с ситуацией, достраивание неопределенного образа и т.д.

Предвидение результатов деятельности («образ будущего состояния» – акцептор результата действия (П.К. Анохин), антиципация событий (Дж. Келли), вероятностное программирование (Н.А. Бернштейн) предполагают контроль, субъективное ощущение власти над событиями своей жизни. Невозможность контролировать, управлять собой и окружающими создает условия невозможности оптимального удовлетворения потребностей («выученная беспомощность») и эмоционально дискомфортное состояние вплоть до дисфункциональных состояний (М. Селигман, Э. Скиннер и др.), ощущения низкой самооффективности (А. Бандура).

Атрибуция, определяющая пристрастный характер восприятия мира, служит целям антиципации событий, а следовательно, и контролю над своей жизнью, позволяет программировать действия в соответствии с определенной стратегией удовлетворения потребностей. Закрепляясь в опыте, эти стратегии становятся свернутыми неосознаваемыми алгоритмами реагирования на определенные стимулы. Установка – это готовность к устойчивому типу эмоционально-когнитивного реагирования в определенных ситуациях, обеспечивает человеку ограниченный набор адаптивных (или дезадаптивных) стратегий активности, направленной на удовлетворение потребностей. Установки актуализируются в условиях необходимости быстрого принятия решения, недостатка времени,

нехватки сознательных ресурсов для оценки особенностей ситуации, стрессовых ситуациях. Контроль и предвидение результатов активности – необходимое условие саморегуляции и адаптации в мире.

На основе селективного характера активности индивида в процессе удовлетворения потребностей, а также сформированного в опыте набора устойчивых алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования в ситуациях адаптации (установок) формируется особая модель, или «образ мира».

Создавая протяженные во времени вероятностные программы, индивид «размечает» реальность на основе мотивационно-потребностных приоритетов. В результате мир становится эмоционально, мотивационно, потребностно «расцвечен» (А.Н. Леонтьев, А.Ш. Тхостов). Так формируется «образ мира» как особый комплекс следов деятельности (Е.Ю. Артемьева, А.Ш. Тхостов), сопряженной с удовлетворением потребностей [3].

Адаптация производна от необходимости удовлетворения потребности. Способ овладения потребностью – процесс мотивационного означивания. Потребности являются динамической основой создания «образа мира», выступают как «объективный, неуправляемый непосредственно мир» для человека. Потребность, опредмеченная в мотиве, становится «прозрачной» для субъекта, переживаемая как «собственная нужда» при условии наличия психического образа желаемого состояния и предмета удовлетворения потребности (А.Н. Леонтьев, В.К. Вилюнас, А.Ш. Тхостов) [4].

Анализ подходов по проблеме мотивации, а также результаты исследований позволяют выделить **основные свойства мотивации**: 1) селективность, пронизывающую все психические функции и формирующую пристрастный «образ мира»; является генеральным свойством; 2) отношение ко времени (временная протяженность «образа мира»); 3) антиципацию событий (вероятностная оценка результатов действия); 4) специфическое отношение к удовлетворению потребностей в контексте адаптации и саморегуляции, установкам и направлению активности индивида; 5) осуществление контроля над событиями своей жизни (собой, другими); 6) единство потребности и мотива как опредмеченной потребности, а также установок как закрепленных в опыте способов удовлетворения потребностей в структуре мотивации; 7) наличие «потенциальной мотивации» как комплекса вероятностных моделей активности (состояний) в тех или иных условиях; 8) взаимосвязь с эмоциями, перцептивными и когнитивными психическими функциями.

Все эти особенности мотивации взаимоопределяют друг друга и имеют эмпирически регистрируемые индикаторы, варьирующиеся в зависимости от цели и метода исследования.

Антиципация событий, служащая свойством мотивации и функцией адаптации (неотъемлемым условием удовлетворения потребностей), отсылает нас к феномену протяженности во времени (прошлый опыт, будущий результат активности), столь же важному в структуре адаптации.

Многообразие индикаторов мотивации, описанное, в частности М.Ш. Магомед-Эминовым [5], позволяет проанализировать их с позиции формирования системы, а также упорядочить существующий на данный момент методический арсенал стратегий экспликации мотивации, отмечая наиболее значимые аспекты. Это позволяет рефлексивно использовать разные измерительные шкалы, соответствующие им типы данных (матрицы расстояний – «сходств объектов», «объекты-дескрипторы», «выбор варианта ответа – опросник», «парное сравнение», «прямое ранжирование»). Типы матриц в свою очередь отсылают нас к определенной статистической задаче и стратегии математико-статистической обработки данных, способу представления эмпирически верифицированной модели мотивации (параметрические и непараметрические методы; методы, использующие и не использующие усреднение; методы, группирующие объекты на основе сходства объектов, или методы, выявляющие причину объединения свойств в структуры, и т.д.). Атрибуции качеств, последовательностей событиям, каузальных отношений на математическом уровне представляют смысловые структуры (факторные и кластерные модели, осевая структура многомерного шкалирования). Формально несвязанные, но имеющие общий смысловой элемент, матрицы могут быть «взаимоналожены» друг на друга с помощью многомерного регрессионного анализа. Оценка «близости–дальности», ассоциации объектов математически производится с помощью математических методов, не зависящих от нормальности распределения данных (кластерный анализ, многомерное шкалирование и др.). Задачи сравнения контрастных групп в отношении мотивационных выборов и других индикаторов мотивации реализуются с помощью математических критериев различия средних, разных вариантов дисперсионного анализа (в частности, для изучения контролируемых детерминант активности). Частотность выборов в экспериментальном моделировании математически анализируется с помощью, например, метода «таблицы сопряженности», непараметрических критериев.

Один и тот же индикатор может быть включен в разного типа методические приемы экспликации мотивационной составляющей активности индивида. Например, в тесте юмористических фраз А.Г. Шмелева используется ряд эвристических способов экспликации мотивации: оценка селективности заключается как в классификации фраз, так и в использовании образных выражений (с заведомо неоднознач-

ной семантикой), что определяет проективный механизм.

Мотив теоретически представляет собой психический образ валентных предметов, побуждающий к деятельности, направленной на реализацию потребностей (достижение «лучшего» состояния).

В структуре процесса удовлетворения потребности необходимо возникновение мотивации (как активизирующего мотивы селективного процесса и образа действия в структуре активности индивида), а также актуализация соответствующих установок. Мотивация понимается нами как система эмпирических индикаторов селективности (в том числе психофизиологические и оценочные индикаторы), которые интерпретируются как смысл (причина, детерминанты) активности индивида, и в рамках психосемантического моделирования представляет собой индивидуальную пристрастную систему значений индивида. Генеральным свойством мотивации, пронизывающим все ее особенности, является пристрастность в оценивании и категоризации объектов мира. Мотивация указывает на движение в сторону мотива как психического образа предмета, активизирующего на процесс удовлетворения потребностей. Это интегрирующая составляющая, в которую входит потребность, мотив, установки, усвоенные в опыте способы удовлетворения потребностей, соответствующая активность индивида в этом направлении.

Рядом авторов мотивация трактуется как объяснительный конструкт (который позволяет понять приоритеты средств и оценки объектов в структуре семантического пространства), определяющий возможность движения в этом направлении (Х. Хекхаузен, Т.О. Гордеева и др.) [2; 6].

В процессе социализации мир для человека становится «расцвеченным» определенными «эмоциональными ярлыками», организующими смысл и направление реакций индивида (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Ш. Тхостов). С точки зрения семиотического подхода, в процессе опроизволивания (повышения степени контроля и осознанности над своими эмоциональными реакциями) психических функций происходит инвертирование означающего и означаемого. А.Ш. Тхостов пишет: «...В ходе освоения (овладения) эмоций предмет как новое выступает в качестве означающего для переживания... Эти отношения... допускают смену ролей (означающего и означаемого) и будут сохранять подвижность в зависимости от освоенности, овладения и произвольности взаимодействия эмоций и их предметов» [7, с. 45]. По его мысли, «мотивация... понимается как... “негативное состояние” – физиологическая нужда, выводимая из свойства живого организма способность... реагировать на раздражители» [8, с. 136].

Данное понятие осмысливается рядом авторов как особое состояние организма, связанное с поиском

способов удовлетворения потребностей. По мнению А.Ш. Тхостова, функция мотивации – «в снижении порога реактивности», а «...мотив – ”энергизатор” или ”стабилизатор”» [8, с. 136]. Он отмечает, что «для разнообразия форм реакций используются понятия научения или условного рефлекса», при этом понятие «мотивация» избыточно. Такую объяснительную модель трудно применить к перцептивному акту, «так как из энергетического понимания потребности никак не выводима ни ее регуляция на основе отражения, ни обратный процесс влияния на опыт...» [8, с. 136].

Данная проблема породила ряд попыток выделить в мотивации еще один (кроме энергетического) компонент («особые производные содержательные элементы»): валентности – у К. Левина, needs и presses – у Г. Мюррея, drives и incentives – у бихевиористов, однако они не дают исчерпывающего понимания мотивации [8, с. 136]. Эти попытки связаны с теоретическим осмыслением конструкта мотивации и свидетельствуют о поиске конструктов-определителей (элементов, отчетливо проявляющих мотивацию).

Удачным решением данной проблемы, как отмечает А.Ш. Тхостов, является теория мотивации А.Н. Леонтьева и ее развитие в трудах В.К. Вилюнаса, особенно идея о предметности потребности. Именно в теории деятельности используется категория «мотива» (как опредмеченной потребности, переводящей состояние недифференцированной нужды в ориентировочную деятельность) [8, с. 136]. Ссылаясь на А.Н. Леонтьева, А.Ш. Тхостов пишет, что «...предмет становится мотивом, вступая в семиотические отношения с потребностью, означая ее...», и далее: «Семиотическая природа мотива позволяет... объяснить... влияние потребности на познание, порождающее его пристрастность...» [8, с. 137].

Мотивация характеризуется как совокупная система процессов, «отвечающих за побуждение деятельности, требует отдельного понятия, которое структурировало бы эту систему» [9, с. 39]. В качестве такового часто используется понятие «потребности». Это понятие с трудом поддается формальному определению, однако, как отмечает В.К. Вилюнас, «потребность – это не только констатируемая нужда, но и определенный закрепившийся (в фило- и онтогенезе) способ ее удовлетворения» [9, с. 41].

При исследовании мотивации можно косвенно выходить на проблему потребностей индивида. Мотивы опосредованно указывают на потребности.

Потребности, с одной стороны, имеют биологическую основу, с другой – включают в себя стратегии активности по достижению удовлетворения потребностей, приобретенных в опыте индивида.

Потребности объективны для индивида, поскольку не вполне подвластны управлению ими, они обладают «плотностью» для субъекта, являются, как пишет А.Ш. Тхостов, «непрозрачными». Можно говорить об

их усвоении субъектом потребностей в процессе их удовлетворения [4; 8].

Общим для всех вариантов экспликации мотивационной направленности индивида является провоцирование пристрастного отношения к объектам действительности. Представляем примеры стратегий экспликации и эмпирических индикаторов мотивации. Конечно, это далеко не исчерпывающий список.

1. Провоцирование механизма атрибуции в психосемантическом или другом исследовании, т.е. приписывание объектам качеств, в том числе каузальных отношений, желаний, страхов и пр.

2. Классификация объектов по признакам – группировка объектов по категориям, выделение существенных и несущественных признаков.

3. Моделирование экспериментальной ситуации выбора объектов из двух или из ряда, регистрация времени, особенностей поведения в решении конфликтных мотивационных и ценностных задач-выборов.

4. Использование «непрямых» (метафоры, фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы, другие образные выражения) или невербальных вариантов дескрипторов и/или объектов с целью «преодоления» ограничений первой сигнальной системы, косности «прямых» конструкций языка.

5. Моделирование контекста оценивания или выбора объектов (рейтинги, в отношении которых происходит оценка).

6. Парное ранжирование объектов (с целью получения иерархии стремлений, желаний, интересов, мотивов) в контексте (в отношении рейтинга – ситуации).

7. Актуализация временного аспекта пристрастного отношения к объектам, например, в виде контекстов «прошлого», «настоящее», «будущее», а также исследование реального и идеального образа объекта.

8. Особенности инструкции и планирования эксперимента («метод обмана», контрольные группы «платцебо» и «листа ожидания» и др.), провоцирующие приоритеты мотивационно значимых средств и объектов.

9. Экспериментальное моделирование условий фрустрации мотивационно значимых стимулов и регистрация эмоционального состояния.

10. Самооценка испытуемого в виде самоотчета, интерпретации собственной творческой продукции, результатов опросников.

11. Экспериментальное моделирование и измерение настойчивости по преодолению преграды, отделяющей от желаемого.

12. Экспериментальное моделирование перцептивной пристрастности (быстрое предъявление стимулов, анализ определяющих и второстепенных стимулов в построении перцептивного и эмоционально-когнитивного образа предмета или ситуации).

13. Экспериментальное исследование патологического изменения иерархии мотивов и ценностей.

Систематизация исследовательских стратегий и эмпирических индикаторов мотивации позволяет использовать в конкретном случае оптимальное соответствие задачи исследования и операционального определения основных терминов, методов и методического арсенала, схемы исследования, из-

мерительной шкалы и типа данных, статистической задачи и математических методов ее решения, а также способ содержательной интерпретации и репрезентации результатов. Разрабатываемый интегральный подход предполагает дальнейшую систематизацию инвариантной динамичной структуры базовых исследовательских принципов в отношении изучения мотивации.

Библиографический список

1. Зейгарник, Б.В. Теории личности в зарубежной психологии / Б.В. Зейгарник. М., 1982.
2. Хекхаузен, Х. Мотивация деятельности / Х. Хекхаузен. СПб., 2003.
3. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева ; под ред. И.Б. Ханиной. М., 1999.
4. Журавлев, И.В. Феномен отчуждения: стратегии концептуализации и исследования / И.В. Журавлев, А.Ш. Тхостов // Психологический журнал. 2002. №5.
5. Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1987.
6. Гордеева, Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы / Т.О. Гордеева // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002.
7. Тхостов, А.Ш. Эмоции и аффекты: общепсихологический и патопсихологический аспекты / А.Ш. Тхостов, И.Г. Колымба // Психологический журнал. 1998. Т. 19, №4.
8. Тхостов, А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. М., 2002.
9. Вилюнас, В.К. Психология развития мотивации / В.К. Вилюнас. СПб., 2006.